

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 29–42

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-29–42

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 29–42

©Автор(ы) 2026

ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКИХ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ КОНЦА V в. до н.э. IV. ПАРАДОКСЫ РЕЖИМА ТРИДЦАТИ

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Олигархический режим Тридцати хорошо известен своим репрессивным характером. Парадоксальным фактом, однако, является то, что он приобрел такой характер не сразу: вначале преследовались только дискредитировавшие себя лица, и лишь потом казни распространились на невиновных. Это, безусловно, связано с переходом лидерства в правящей коллегии от Ферамена к Критию. В статье предлагается ответ на вопрос о причинах этого перехода: последний связывается с тем, что коллегия Тридцати состояла из трех «десяток» (одна из них возглавлялась Фераменом, другая – Критием), которые ротировались у власти. В целом констатируется, что олигархия 404 г. до н.э., как и олигархия 411 г. до н.э. пала из-за отсутствия единства в рядах олигархов.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, перевороты, Пелопоннесская война, Ферамен, Критий, Лисандр

Режим, о котором пойдет здесь речь, во многих отношениях парадоксален. Помимо него, трудно найти в античной (да и не только античной) истории какой-нибудь другой, который так же быстро скомпрометировал бы себя. Тридцать пришли к власти при весьма благоприятном к ним отношении со стороны сограждан, при возлагавшихся на них добрых надеждах, а утратили эту власть в обстановке всеобщей ненависти к ним и оставили о себе настолько недобрую память, что со временем по отношению к ним стала употребляться формулировка «Тридцать тиранов»¹, хотя в действительности они являлись не тиранами в строгом смысле слова, а олигархами.

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>.

¹ Считается, что это выражение первым использовал историк IV в. до н.э. Эфор (Rhodes 2000, 135).

Изменение отношения к режиму было, безусловно, связано, с изменением характера самого этого режима, а также применяемых им практик. Этот нюанс стал, можно сказать, одним из топосов, общих мест, звучащих во многих источниках, повествующих о событиях 404–403 гг. до н.э. Приведем несколько релевантных цитат, взятых из сочинений различных авторов.

Ксенофонт: «...Они (Тридцать – *И.С.*) первым делом арестовали и казнили тех, о которых при демократическом строе всем было известно, что они сикофанты и тягостны добрым гражданам (οὓς πάντες ἤδεσαν ἐν τῇ δημοκρατίᾳ ἀπὸ συκοφαντίας ζῶντας καὶ τοῖς καλοῖς κάγαθοῖς βαρεῖς ὄντας, συλλαμβάνοντες ὑπὲρ θανάτου). Совет осудил их на смерть с чувством удовлетворения (ἢ τε βουλὴ ἡδέως αὐτῶν κατεψηφίζετο)², да и все прочие граждане ничего не имели против их осуждения, поскольку они сами не были повинны в том же грехе. Но вскоре правители стали думать лишь о том, чтобы им можно было распоряжаться всеми государственными делами по своему усмотрению... Они стали арестовывать кого угодно (οὓς ἐβούλοντο συνελάμβανον): не только дурных и безнравственных людей (πονηροὺς τε καὶ ὀλίγου ἀξίους), но вообще тех, про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев» (*Xen. Hell.* II. 3. 12–14)³.

Платон: «Так как тогдашний (демократический – *И.С.*) государственный строй со стороны многих подвергался нареканиям, произошел переворот (ὑπὸ πολλῶν γὰρ τῆς τότε πολιτείας λοιδوروμένης μεταβολὴ γίγνεται)... Тридцать обладали неограниченной властью (τριάκοντα δὲ πάντων ἄρχοντες κατέστησαν αὐτοκράτορες)... Я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить (αὐτοὺς ἔκ τινος ἀδίκου βίου ἐπὶ δίκαιον τρόπον ἄγοντας διοικήσιν δὴ τὴν πόλιν), и поэтому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать? И вот я убедился, что за короткое время эти люди заставили нас увидеть в прежнем государственном строе золотой век (τοὺς ἄνδρας ἐν χρόνῳ ὀλίγῳ χρυσὸν ἀποδείξαντας τὴν ἔμπροσθεν πολιτείαν)!» (*Plat. Epist.* VII. 324c–e)⁴.

Аристотель⁵: «Первое время они (Тридцать – *И.С.*) проявляли умеренность по отношению к гражданам (μέτροι τοῖς πολίταις ἦσαν) и делали вид, что стремятся к восстановлению отеческого строя... С самого начала они держались такого образа действий, устраняли сикофантов и людей, подлаживавшихся в речах своих к народу вопреки его настоящим интересам, аферистов и негодяев (τοὺς

² В правление Тридцати гелия не заседала (Кудрявцева 2008, 103), так что судебные функции выполняли Совет Пятисот, а также сама правящая коллегия Тридцати.

³ «Греческая история» Ксенофонта цитируется в переводе С.Я. Лурье.

⁴ Седьмое письмо Платона цитируется в переводе С.П. Кондратьева.

⁵ В современной западной антиковедческой литературе существует устойчивая тенденция называть автора «Афинской политики» Псевдо-Аристотелем. Эта «новая ортодоксия» установилась со времени выхода известного комментария П. Родса, в котором вопрос об авторстве «Афинской политики» решен не в пользу аристотелевского (Rhodes 1985, 58–63). Мы, со своей стороны, настаиваем и будем настаивать на том, что пока ни Родсом и никем другим не было приведено аргументов, которые имели бы обязательную силу и исключали бы написание труда самим Стагиритом. А ведь нужно еще учитывать, что в последующей нарративной традиции этот памятник устойчиво цитируется – и вряд ли совершенно безосновательно – именно как «Афинская политика» Аристотеля.

συκοφάντας καὶ τοὺς τῷ δήμῳ πρὸς χάριν ὀμιλοῦντας παρὰ τὸ βέλτιστον καὶ κακοπράγμονας ὄντας καὶ πονηροὺς ἀνῆρουν), и государство радовалось этому (ἔχαιρεν ἡ πόλις γιγνομένοις), думая, что они делают это во имя высших интересов. Но, когда они укрепили власть свою в государстве, они не стали щадить никого из граждан (οὐδενὸς ἀπείχοντο τῶν πολιτῶν), но убивали всех, кто только выдавался по состоянию или по происхождению или пользовался уважением. Так делали они, стараясь незаметно устранять опасные элементы и желая грабить их имущество. Так за короткое время они погубили не менее полутора тысяч человек» (Arist. *Ath. pol.* 35. 2–3)⁶.

Диодор Сицилийский: «Вначале, предав суду самых подлых людей в городе, они осудили их на смерть (παράδιδόντες κρίσει τοὺς πονηροτάτους τῶν ἐν τῇ πόλει κατεδίκαζον θανάτῳ), и тогда еще самым порядочным из граждан было приятно происходящее (τοῖς ἐπιεικεστάτοις τῶν πολιτῶν εὐαρέσκει τὰ γινόμενα). А после этого они, пожелав творить более насильственные и противозаконные дела (βουλόμενοι βιαϊότερα καὶ παράνομα πράττειν), запросили у лакедемонян гарнизон...» (Diod. XIV. 4. 2–3).

Поскольку мы говорим о том, что на первых порах олигархия Тридцати пользовалась симпатией значительной части афинян, находивших ее действия вполне оправданными, нам могут возразить, что этот режим был в принципе коллаборационистским и оккупационным, установившимся в силу внешнего диктата (со стороны победителей-спартанцев) и, в сущности, по прямому приказу всесильного Лисандра. На самом деле всё несколько сложнее: следует подчеркнуть, что переворот 404 г. до н.э. имел глубокие внутренние причины⁷, главными из которых явились тяжелейший кризис и вырождение радикальной демократии в конце Пелопоннесской войны, вызвавшие отторжение ее многими гражданами.

Вышеприведенные цитаты, пожалуй, еще несколько смягчают реальную ситуацию, поскольку соответствующие суждения делались «задним числом», уже после кровавых репрессий Тридцати (после которых совершенно невозможны были сколько-нибудь позитивные оценки деятельности этой коллегии), а главное – после восстановления демократии, обозначившей свою преемственность по отношению к демократии V в. до н.э.⁸ Платон говорит о «нареканиях», а вернее было бы сказать о гневе и негодовании. Афинская охлократия рассматриваемого периода сделала, кажется, все ошибки, какие только можно было сделать, проиграла всё, что только можно было проиграть. Такая демократия вряд ли могла вызвать к себе большие симпатии. На фронтах Пелопоннесской войны ведомые демагогами Афины шли от неудачи к неудаче, а в области внутриаполитической жизни даже самый благонамеренный гражданин не мог быть уверен в том, что и он завтра не станет очередной жертвой «охоты на ведьм»⁹, поиска врагов демоса. Кончилось всё позорной безоговорочной капитуляцией; афинский полис, еще совсем недавно гордо смотревший в будущее, потерпел полный крах.

Неудивительно, что в подобной обстановке достаточно широкие массы гражданства – особенно средние, гоппитские слои – отшатывались от базовых прин-

⁶ «Афинская политика» Аристотеля цитируется в переводе С.И. Радцига.

⁷ Lehmann 1995, 144–145.

⁸ Из недавних работ преемственность между афинской демократией V и IV вв. до н.э. в наибольшей степени подчеркивается в: Joyce 2022.

⁹ О которой см.: Rhodes 2015, 29–30.

ципов развитого народовластия, выражали нескрываемое недовольство господством безответственной «корабельной черни». Сам институт демократии впервые со времен Клисфена начал ставиться под вопрос¹⁰. Она была обречена еще до того, как Лисандр повелел ее ликвидировать, и даже до того, как война официально завершилась. В последние военные месяцы резко активизировалась деятельность олигархических гетерий; в частности, возник комитет пяти эфоров (Lys. XII. 43), о подчеркнуто лаконофильском характере которого говорят и название, и численность его членов. Лисий подчеркивает, что этот неофициальный, но влиятельный орган был создан еще при демократическом устройстве (δημοκρατίας ἔτι οὐσης).

Говоря о хронологическом отрезке, на который пришлось окончание Пелопоннесской войны и непосредственно последовавшие за ним события, нельзя не отметить, что применительно к этому периоду источниками искажается роль Ферамена. Мы не говорим уже об убежденном радикальном демократе Лисии, который в своих речах стремится очернить этого политика, как только может¹¹. Но даже Ксенофонт, относящийся к Ферамену не столь негативно¹², утверждает, что он во время осады Афин спартамцами намеренно затягивал мирные переговоры и в результате еще усугубил для афинян печальные последствия поражения.

Процитируем соответствующее место. «...Ферамен предложил в народном собрании, чтобы его отправили послом к Лисандру; там, мол, он разузнает, должно ли служить лакедемонянам разрушение стен только средством для обращения афинян в рабство или это им нужно для обеспечения их верности лакедемонянам. Его послали, и он пробыл у Лисандра три месяца с лишним, выжидая, пока афиняне из-за недостатка хлеба не дойдут до такого состояния, что готовы будут согласиться на какие угодно условия (πεμφθεὶς δὲ διέτριβε παρὰ Λυσάνδρῳ τρεῖς μῆνας καὶ πλείω, ἐπιτηρῶν ὅποτε Ἀθηναῖοι ἔμελλον διὰ τὸ ἐπιλελοιπέναι τὸν σίτον ἅπαντα ὃ τι τις λέγοι ὁμολογήσειν). Лишь на четвертый месяц он вернулся и доложил в народном собрании, что Лисандр долго медлил с ответом и удерживал его при себе (ὅτι αὐτὸν Λύσανδρος τέως μὲν κατέχει); в конце концов же он сказал, чтобы Ферамен отправился в Лакедемон, так как сам он якобы не уполномочен дать ему ответ; это право эфоров» (Xen. Hell. II. 2. 16–17). Далее рассказывается (Xen. Hell. II. 18–22), как тот же Ферамен прибыл с посольством уже в Спарту, там был созван конгресс Пелопоннесского союза и сформулирова-

¹⁰ Osborne 2003, 257.

¹¹ Создается впечатление, что Ферамен даже больше ненавистен Лисии, чем кровавый Критий. Причина заключается в том, что с Критием, как говорится, было всё ясно и никому не приходило в голову оправдывать его. Что же касается Ферамена, практически сразу же после реставрации демократии начали предприниматься попытки его реабилитации, позже достигшие своего апогея в «Афинской политике» Аристотеля (Arist. Ath. pol. 28. 5), содержащаяся в которой характеристика Ферамена является настоящим энкомием (Frank, Monoson 2009). Этим-то попыткам и противопоставлял Лисий свою позицию.

¹² Его отношение следует назвать скорее двойственным, противоречивым (Суриков 2024а, 65). С одной стороны, в эпизоде суда над стратегами, одержавшими победу в Аргинусской морской битве (406 г. до н.э.) Ферамен предстает в неблагоприятном свете – как недобросовестный манипулятор общественным мнением, не брезгающий инсинуациями (Xen. Hell. I. 7. 8), – причем похоже, что картина эта превратна и Ксенофонт не прав (об этом писалось неоднократно: Cloché 1019, 47–48; Andrewes 1974, 118; Adeleye, 1977/1978, 97; Mehl 1982, 65; Rhodes 1985, 423; Ostwald 1986, 442; Burckhardt 2000, 138). С другой стороны, в тех местах, где речь идет о противостоянии Ферамена Критию в период олигархии Тридцати, у автора просматривается симпатия к первому (особенно в: Xen. Hell. II. 3. 56).

ны условия мира: разрушение укреплений Пирея и Длинных стен (в другом месте оговаривается, что они должны быть уничтожены не полностью, а частично: Xen. *Hell.* II. 2. 15), выдача всех военных кораблей, кроме 12, возвращение политических изгнанников (имелись в виду прежде всего олигархи-лаконофилы), принятие Афинами статуса подчиненного союзника Спарты. Ферамен принес эти условия в Афины и убедил сограждан принять их.

Таким образом, если сказанное здесь соответствует действительности, при капитуляции афинского полиса Ферамен сыграл довольно неблагоприятную роль. Но ни из чего не следует, что мы должны безоговорочно доверять во всем Ксенофону. Да, Ферамен действительно долго, больше трех месяцев, пробыл в лагере Лисандра; за это время дело мирных переговоров не продвинулось ни на шаг, а запасы провианта в Афинах иссякали. Но почему мы должны подходить в данном случае к Ферамену с позиций презумпции виновности и с ходу отбрасывать данное им самим объяснение задержки, согласно которому его удерживал сам Лисандр? Уж кто-кто, а этот спартанский лидер был в высшей степени заинтересован в том, чтобы тянуть время и с помощью голода окончательно поставить врагов на колени.

Следует осознать, какой колоссальной сложности задача стояла тогда перед Фераменом. Афинам предстояла именно безоговорочная капитуляция, то есть принятие *любых* условий, какие им будут выдвинуты, и Ферамену в Спарте пришлось потрудиться, прилагая все свои усилия и способности, чтобы условия эти оказались не совсем губительными для афинского полиса. Судьба последнего находилась теперь всецело в руках победителей, и на конгрессе пелопоннесцев вполне серьезно рассматривалось предложение, внесенное представителями двух самых влиятельных спартанских союзников – Коринфа и Фив, – призывавшими вообще не заключать с Афинами никакого договора, а полностью уничтожить их (μη σπένδεσθαι Ἀθηναίοις, ἀλλ' ἐξαίρειν, Xen. *Hell.* II. 2. 19), чтобы и договор подписывать было не с кем.

Речь шла как минимум о процедуре ἐξάνδραποδισμός, т.е. о полной продаже всех афинян в рабство. Не исключено, что имелось в виду даже нечто более серьезное, а именно то, что в ходе Пелопоннесской войны учинили Афины над Скионой (в 421 г. до н.э., Thuc. V. 32. 1) и Мелосом (в 416 г. до н.э., Thuc. V. 116. 4), а ранее них Спарта над Платеями (в 427 г. до н.э., Thuc. III. 68. 1–2). В этих городах в рабство были обращены женщины и дети, а взрослые мужчины поголовно перебиты. Да, нужно называть вещи своими именами: Афины, учитывая то озлобление, какое накопилось в греческом мире против «города-тирана», реально могла постигнуть такая же участь (сурово было «право победителя» в античной Греции, оно позволяло сделать с побежденными буквально всё, что угодно¹³), и какого количества шедевров, созданных в «городе Паллады» в IV в. до н.э. и позже, просто не получила бы тогда мировая культура!

Ферамену удалось, по крайней мере, отвратить такой исход, добиться того, что афинское государство – пусть униженное и ослабленное – продолжило свое

¹³ Позволим себе по этому поводу процитировать одно из выступлений выдающегося писателя и мыслителя Х.Л. Борхеса (он говорит о событиях IV в. до н.э., но к предшествующему столетию сказанное тоже вполне применимо): «Не знаю, верим ли мы в прогресс, думаю, что да... Мы идем вперед и возвращаемся, но в итоге становимся лучше. Можно ли говорить так в нашу жестокую эпоху? И сейчас берут в плен и сажают в тюрьмы, возможно, в концентрационные лагеря, но все-таки берут в плен. Во времена Александра Македонского было естественным, что войско победителей убивало всех побежденных и разоряло дотла захваченный город. Может быть, мы стали и разумнее» (Борхес 1994, 391).

существование; это было уже немало. В ответ на призывы фиванцев и коринфян «лакедемоняне категорически отказались стать виновниками порабощения (ἀνδραποδεῖν) жителей греческого города, столь много потрудившегося в эпоху тяжких бедствий, когда великая опасность угрожала Греции» (Хеп. *Hell.* II. 2. 20). Не приходится сомневаться в том, что большой вклад в формирование подобной позиции спартанских властей принадлежит Ферамену как переговорщику.

Напомним и еще об одном случае (имевшем место чуть позже), в котором этот политик тоже сыграл позитивную роль – и о нем тоже нередко забывают. Этот случай имел место при создании нового правительства и решении вопроса о том, какой характер оно примет. При тех подчеркнута антидемократических настроениях, которые имели тогда место в Афинах, всю власть могли забрать в свои руки крайние олигархи, представленные комитетом эфоров (афинских, о них упоминалось выше), в который входил, в частности, Критий (Lys. XII. 43). Ферамена, принадлежавшего к весьма умеренным олигархам, в сущности, к приверженцам «гоплитской политики»¹⁴, это, безусловно, не устраивало. Не считаться с эфорами было уже нельзя, но Ферамен путем продуманного политического маневра смог провести на заседании экклесии постановление о смешанном составе организуемой правящей коллегии Тридцати. Как пишет Лисий (злостный враг Ферамена, а потому его свидетельство особенно ценно), афинянам пришлось «выбрать десятерых, указанных Фераменом (δέκα μὲν οὖς Θηραμένης ἀπέδειξε χειροτονῆσαι), десятерых, кого велят тогдашние эфоры (δέκα δὲ οὖς οἱ καθεστῆκότες ἔφοροι κελεύοιεν), десятерых из числа присутствующих (δέκα δ' ἐκ τῶν παρόντων)» (Lys. XII. 76)¹⁵.

Подчеркнем: вариант, при котором в Афинах сохранялась бы демократия в какой бы то ни было форме, в тот момент не рассматривался и рассматриваться не мог. На заседании присутствовал Лисандр, ведший себя грубо и надменно: в определенный момент он, взяв слово, прямо высказался в том смысле, что в случае неподчинения афинян спартанскому диктату он будет рассматривать их как нарушителей мирного договора (παράσπονδους) и в таком случае для них «встанет вопрос уже не о конституции, а вопрос о жизни и смерти (οὐ περὶ πολιτείας... ἀλλὰ περὶ σωτηρίας)» (Lys. XIII. 74). Таким образом, Лисандр напомнил, что судьба Афин по-прежнему в руках победителей, которые при желании могут ведь и вернуться к идее ликвидации афинского полиса и порабощения его граждан.

Что можно было сделать в подобных обстоятельствах афинянину-патриоту? Очень немного, и Ферамен сделал это: коллегия Тридцати была замышлена им как совокупность трех «десяток»¹⁶. И если в «десятке эфоров» преобладание

¹⁴ Вот автохарактеристика, вложенная в его уста Ксенофонтом: «Я борюсь с теми демократами, которые считают, что настоящая демократия – только тогда, когда в правлении участвуют рабы и нищие, которые, нуждаясь в драхме, готовы за драхму продать государство; борюсь и с теми олигархами, которые считают, что настоящая олигархия – только тогда, когда государством управляют по своему произволу несколько неограниченных владык. Я всегда – и прежде и теперь – был сторонником такого строя, при котором власть принадлежала бы тем, которые в состоянии защитить государство от врага, сражаясь на коне или в тяжелом вооружении» (Хеп. *Hell.* II. 3. 48).

¹⁵ Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

¹⁶ Из Ксенофонта известен полный перечень членов коллегии Тридцати. Предпринималась попытка структурировать этот перечень, распределить его на «десятки» по персоналиям, результатом чего стала таблица, приведенная в: Lenschau 1937, 2363–2364 (мы воспроизвели ее в русскоязычном варианте в: Суриков 2011, 263). Это распределение выглядит весьма правдоподобным, хотя оно принято и не всеми.

должны были получить, безусловно, крайние олигархи¹⁷, то в «десятку Ферамена» он, разумеется, включил своих единомышленников, приверженцев умеренной олигархии (он и сам в нее вошел). Что касается третьей «десятки», то она вообще была избрана вполне демократическим способом – из числа присутствующих граждан через голосование (посредством поднятия рук, *χεῖροτονία*), то есть ровно так, как при демократии ежегодно избирали тех должностных лиц, которые занимали свои посты именно по выборам, а не по жеребьевке, в том числе, например, стратеги. В эту «десятку», в принципе, могли попасть даже умеренные демократы.

Итак, стараниями Ферамена в коллегии Тридцати было достигнуто некое сбалансированное равновесие сил между носителями разных идеологий. На первых порах эта система работала – отсюда встречающиеся в источниках, как мы видели, похвалы новому правительству. Но потом что-то дало сбой, и начался государственный террор. Вопрос о причинах того, почему режим стал репрессивным, обычно решается путем следующего хода мыслей¹⁸. Насилие являлось системообразующим элементом власти Тридцати, оно стало неизбежным с тех пор, как была свергнута демократия и взамен нее установилась узкая олигархия (фактически «династия», как Аристотель назвал в «Политике» самую жесткую форму олигархического правления). Тридцать могли упрочить свое положение только после того, как они полностью искоренили бы все остатки демократических порядков, стерли бы саму память о них; насилие обеспечивало им средства для этого. При любом режиме появляется оппозиция, но режимы авторитарные, в отличие от демократических, нетерпимы к оппозиционерам и направляют против них репрессии. Парадоксальным образом, если бы Тридцать смягчили свою политику (к чему призывал Ферамен, как только заметил изменение этой политики в худшую сторону), то их олигархия стала бы более внутренне шаткой и претерпела бы ту же судьбу, что и крайне недолговечная олигархия Четырехсот в 411 г. до н.э.

Резон в подобных соображениях есть (особенно интересной представляется та идея, которую мы изложили в последней фразе предыдущего абзаца), но они носят очень общий характер, а главное – не объясняют того факта, что Тридцать прибегли к репрессивным мерам не сразу. Имеет ли этот факт вообще объяснение? Лично нам импонирует то, которое было выдвинуто (и очень тщательно обосновано) в одной довольно давней работе¹⁹. Предложивший эту версию антиковед исходит из того, что древнегреческие олигархии точно так же, как и древнегреческие демократии, исходили из принципа ротации лиц у власти²⁰. Этот принцип был применен и Тридцатью, а именно: три «десятки», на которые делилась коллегия, должны были на протяжении года править Афинами поочередно, то есть по четыре месяца каждая. Видимо, по жребию вначале эта роль выпала «десятке Фе-

¹⁷ Впрочем, даже в ней они не составляли все сто процентов. Так, именно в эту десятку вошел Эратосфен, который принадлежал к окружению Ферамена (Lys. XII. 62) и считался настолько умеренным олигархом, что рискнул после восстановления демократии и амнистии 403 г. до н.э. не отправиться в изгнание, а остаться в Афинах и представить отчет в своей деятельности (но тут же был атакован Лисием).

¹⁸ См. прежде всего: Wolpert 2006 – наиболее развернутая интерпретация.

¹⁹ Munro 1938.

²⁰ И в важном недавнем исследовании тоже констатируется, что греческие олигархии, как и греческие демократии, были эгалитарными и потому практиковали ротацию (Malkin, Blok 2024, 8).

рамена», которая в течение своего периода правления сосредоточилась на искоренении сикофантов и демагогов, чем снискала одобрение граждан. Но затем власть перешла к совершенно иначе настроенной «десятке эфоров», то есть к крайним олигархам, возглавляемым Критием. Вот они-то и развернули террор, пользуясь тем, что им как верховным правителям никто уже не мог законно воспрепятствовать. Устранили они, в частности, и самого Ферамена²¹.

Здесь нужно отметить: между рассказами об олигархии Тридцати, содержащимися в «Греческой истории» Ксенофонта и в «Афинской политике» Аристотеля, имеется весьма существенное разногласие, касающееся последовательности событий. У Ксенофонта эта последовательность такова: прибытие в Афины спартанского гарнизона, запрошенного олигархическим правительством (*Xen. Hell.* II. 3. 13–14); начало репрессий (*Xen. Hell.* II. 3. 14–15) и, в частности, разоружение тех афинян, которые не вошли в список трех тысяч полноправных граждан (*Xen. Hell.* II. 3. 20); казнь Ферамена (*Xen. Hell.* II. 3. 56); выступление эмигрантов-демократов под командованием Фрасибула и занятие ими крепости Филы (*Xen. Hell.* II. 4. 2).

А в «Афинской политике» встречаем, можно сказать, противоположный порядок: начало репрессий (*Arist. Ath. pol.* 35. 3), выступление Фрасибула (*Arist. Ath. pol.* 37. 1), казнь Ферамена (*Arist. Ath. pol.* 37. 2), разоружение афинян (*Arist. Ath. pol.* 37. 2), запрос спартанского гарнизона и его прибытие (*Arist. Ath. pol.* 37. 2). У Диодора этот гарнизон прибывает, как и у Ксенофонта, ближе к началу олигархического режима (*Diod. XIV.* 4. 3–4), что действительно выглядит куда более естественным. Поэтому данную последовательность обычно признают более верной, а Аристотеля, соответственно, часто упрекают в том, что он допустил ошибку или даже намеренно исказил ход событий с тенденциозными целями²²: всем известны симпатии автора «Афинской политики» к Ферамену, и считается, что в данном случае он тоже попытался максимально освободить этого политика от причастности к репрессиям: их пик пришелся-де на время, когда его уже не было в живых и он никак не мог воспрепятствовать жестокостям.

Так ли это? Когда два рассмотренных свидетельства полярно противопоставляют друг другу, не учитывают, что одна деталь в них все-таки вполне совпадает. И у Ксенофонта, и у Аристотеля репрессии против невинных людей начинаются еще при Ферамене – но отнюдь не с его одобрения. Напротив, он сразу же начинает протестовать: вначале частным образом пытается отговорить Крития от столь пагубной политики (*Xen. Hell.* II. 3. 15), а затем, видя, что это не действует, начинает выступать с публичными обвинениями (*Xen. Hell.* II. 3. 17), что в конце концов стоит ему жизни. Это эксплицитно сказано у Ксенофонта, но подразумевается и Аристотелем (*Arist. Ath. pol.* 36). Таким образом, между двумя источниками надлежит видеть не только различия, но и сходство: оба автора согласны в том, что Ферамен был принципиальным противником государственного террора (и, соответственно, пока решающее влияние на ход событий принадлежало ему, такие меры не осуществлялись), а Критий – его принципиальным сторонником.

Возвращаясь к гипотезе о ротации «десяток» у власти, оговорим еще вот что: если она верна (а в пользу этого свидетельствует очень многое), репрессии парадоксальным образом могли закончиться уже при олигархии. Ведь на смену

²¹ Ungern-Sternberg 2000.

²² Wolpert 2006, 219.

Критию и его «десятке» должна была прийти третья «десятка», в свое время избранная, как отмечалось выше, демократическим путем и, следовательно, менее, чем любая другая, склонная к олигархическим крайностям. Но до верховного правления этой третьей «десятки» дело не дошло: Тридцать пали под давлением оппозиции Фрасибула, продержавшись как раз около восьми месяцев.

Позиция Ферамена в его конфликте с Критием понятна: этот умеренный олигарх, хоть его и называли котурном (Хен. *Hell.* II. 3. 30–31), то есть двурушником, на самом деле был очень последователен, придерживаясь взглядов, выношенных и даже, можно сказать, выстраданных им за всю свою политическую деятельность. Чем же руководствовался Критий? Это был тоже по-своему принципиальный человек, обладавший сложившимся мировоззрением. Платон, прекрасно знавший Крития (который приходился ему дядей), представил это мировоззрение в диалоге «Хармид», где Критий является одним из действующих лиц²³. Предметом «Хармида» является определение одного из ключевых понятий древнегреческой этики – σωφροσύνη. Это очень сложная категория, неоднократно рассматривавшаяся в литературе²⁴; А.Ф. Лосев констатирует «непереводимость этого греческого термина» и допускает несколько (в равной мере не вполне удовлетворительных) вариантов его передачи на русском языке – «рассудительность», «благоразумие», «здравомыслие», «сдержанность», «умственное целомудрие»²⁵. Уже и в античности, как видим, относительно его смысла шли дискуссии; в частности, Критий в «Хармиде» отстаивает такое определение – σωφροσύνη ἄν εἴη τὸ τὰ ἑαυτοῦ πρᾶττεῖν, «быть рассудительным значит “заниматься своим”»²⁶. Если вдуматься, определение это отрицает принцип эгалитаризма (которого, как отмечалось выше, придерживались в Греции не только демократии, но и умеренные олигархии), оно в противовес ему устанавливает принцип иерархизма.

Известно, что для интересующего нас сейчас политика и мыслителя σωφροσύνη – аристократическая ценность, а лучшим воплощением ее он считал спартанцев²⁷. Критий был настолько убежденным и фанатичным лаконофилом, что не сомневался в возможности даже Афины превратить в «новую Спарту». Как показано в специальном монографическом исследовании, посвященном режиму

²³ Критий действует также в «Тимее» и «Критии» Платона, во втором из этих диалогов (представляющем собой знаменитый «неоконченный рассказ об Атлантиде») он даже выступает как главный герой. Но тождествен ли этот Критий тому, который известен как кровавый лидер Тридцати? По этому вопросу единого мнения среди специалистов нет. Одни признают их тождество (например: Панченко 1990, 136–137; Видаль-Наке 2012, 22; Hettmann 2017, 151); другие считают, что в диалогах, о которых идет речь, в действительности появляется не этот Критий, а его одноименный дед (например: Castleden 1998, 165; Nails 2002, 106–107), который стал известен по эпиграфическим данным (Vanderpool 1949); третьи колеблются, считая, что проблема не может быть решена, и даже допуская сознательную двусмысленность со стороны автора диалогов (например: Danzig 2014, 509; Gill 2016, 38–42). Автор этих строк примыкает к той точке зрения, которая здесь указана второй (нашу аргументацию см. в: Суриков 2024б). Не будем настаивать на своей правоте, но, во всяком случае, коль скоро имеют место споры и полной ясности нет, лучше не привлекать данные «Тимея» и «Крития». Что касается Хармида, совершенно несомненно, что там действует именно будущий вождь крайних олигархов.

²⁴ Например: North 1947; Humble 2002.

²⁵ Лосев 1990, 763.

²⁶ «Хармид» Платона цитируется в переводе С.Я. Шейнман-Топштейн.

²⁷ Gottesman 2020, 248–249.

Тридцати²⁸, именно в этом заключалась суть его политики в пору нахождения у власти. Похоже, что, разоружая афинян, не вошедших в список трех тысяч, высылая их из города в сельскую местность и в то же время лишая земельных наделов, а в дополнение ко всему запрещая им покидать территорию полиса, он даже вознамерился создать в Аттике некое подобие илотии.

У Ксенофонта Критий в конце своей речи против Ферамена прямо говорит: «Несомненно, наилучший государственный строй – это лакедемонский (καλλίστη μὲν γὰρ δῆπου δοκεῖ πολιτεία εἶναι ἡ Λακεδαιμονίων). А у них, если кто-нибудь из эфоров не подчинится безусловно постановлению большинства и станет выказывать дерзостное неуважение к власти и противиться ее решениям, он, разумеется, будет подвергнут эфорами и народным собранием тягчайшему наказанию» (Xen. *Hell.* II. 3. 34). Не менее знаменательно начало той же речи, которое тоже следует процитировать: «Члены совета! У многих из вас, вероятно, появилась мысль, что слишком много гибнет народу – больше, чем это необходимо (πλείους τοῦ καιροῦ ἀποθνῆσκειν). Но примите во внимание то, что так бывает при государственных переворотах (ὅπου πολιτεία μεθίστανται) всегда и везде. Наибольшее же число врагов сторонники олигархического переворота (τοῖς εἰς ὀλιγαρχίαν μεθιστάσι), само собой разумеется, должны иметь здесь, в Афинах: ведь наш город многолюднейший в Элладе, и народ здесь наиболее продолжительное время рос и воспитывался на гражданской свободе (ἐν ἐλευθερίᾳ). Для таких людей, как мы с вами, демократический строй, конечно, крайне тягостен и непереносим (χαλεπὴν πολιτείαν εἶναι δημοκρατίαν); вдобавок лакедемонянам, даровавшим нам жизнь и свободу (τοῖς περισώσασιν ἡμᾶς), сторонники народовластия испокон века были врагами (ὁ μὲν δῆμος οὐποτ' ἂν φίλος γένοιτο), тогда как благонадежные (βέλτιστοι) слои населения были всегда им преданы (πιστοὶ). Поэтому-то, с одобрения лакедемонян (σὺν τῇ Λακεδαιμονίων γνώμῃ), мы и установили этот государственный строй; поэтому-то, если до нашего сведения доходит, что кто-либо враждебно относится к олигархическому правлению (ἐναντίον τῇ ὀλιγαρχίᾳ), мы принимаем все возможные меры для устранения таких лиц. А если в рядах поносящих новый государственный строй, окажется кто-либо из нашей среды, мы должны его преследовать еще более энергично» (Xen. *Hell.* II. 3. 24–26).

В этих словах, поражающих своей откровенностью, многое заслуживает комментария. Прежде всего отметим, что Ксенофонт, в 404–403 гг. до н.э. находившийся в Афинах, служивший в коннице, которая была одной из главных опор режима, и внимательно следивший за развитием событий, должен корректно передавать основные идеи, высказывавшиеся Критием; к тому же аналогичные мотивы звучат и в сохранившихся фрагментах сочинений самого Крития, из которых едва ли не самым знаменитым была «Лакедемонская политика».

Воистину для этого лаконофила Спарта или представляет собой просто идеал, или максимально к нему близка. Тамашнее государственное устройство в оригинальном тексте Ксенофонта названо его устами «прекраснейшим», καλλίστῃ. Спарта, победившая и унизившая афинян, оказывается силой, спасшей их (аллюзия на тот уже акцентировавшийся выше факт, что спартанские власти, имея возможность просто уничтожить афинский полис, сохранили его). На всё происходящее предлагается смотреть исключительно с точки зрения «одобрения лаке-

²⁸ Krentz 1982.

демонян», при этом позиция последних не нюансируется: дело представляется таким образом, будто бы в Спарте все мыслят так же, как Лисандр, в то время как в действительности подобного единства там даже в самых верхах не наблюдалось. Так, активным противником Лисандра выступал царь Павсаний²⁹, который, соответственно, и к Тридцати относился без всякой симпатии: позже он сыграл весьма активную роль в ликвидации афинской олигархии (Xen. *Hell.* II. 4. 35 sqq.). Тридцать тогда уже засели в Элевсине и по прибытии Павсания в Аттику пытались завязать с ним контакты, но он демонстративно отказался общаться с ними, даже не принял присланные ими дары (Lys. XVIII. 12).

Из речи Крития видно, что даже в рядах Совета Пятисот (который в то время в целом был вполне лоялен правящей коллегии) встречались люди, считавшие, что крови льется чрезмерно много, и он доказывает этим своим потенциальным оппонентам, почему именно так и надлежит поступать: в Афинах-де в силу их прежней истории слишком много сторонников демократии, и их следует подавлять со всей беспощадностью. Тут перед нами предстает как бы воочию данная вождем крайних олигархов рельефная иллюстрация к приведенным выше со ссылкой на Э. Уолперта тезисам о том, что для подобных режимов жестокости являются чем-то неотъемлемым, без них они обходиться не могут.

А поскольку именно жестокости потом крепче всего запечатлеваются в памяти народной, не удивительно, что Критий полностью дискредитировал олигархическую идею (порой создается впечатление, – конечно, вряд ли оправданное, – что он как будто намеренно задался целью сделать это). Не случайно после 403 г. до н.э. вопрос об олигархии в афинском политическом дискурсе просто не вставал – до тех пор, когда она в 322 г. до н.э. была насильственно навязана полису Антипатром. Даже те авторы, которые, в сущности, были олигархами в душе (например, Исократ), вынуждены были маскироваться под демократов, если желали играть активную роль в общественной жизни.

Аристотель в «Афинской политике» указывает, что в конце Пелопоннесской войны и сразу после нее афиняне делились на три группировки: демократическую, олигархическую и, как часто выражаются в современной западной литературе, «умеренную». Лидером последней он называет Ферамена, а среди других ее членов называет, в частности, Архина и Анита (Arist. *Ath. pol.* 34. 3), чьи пути чуть позже радикально разошлись с путем Ферамена: если он вошел в правящую верхушку, то они оказались эмигрантами, а потом сыграли очень видную роль в реставрации народоправства. Но сейчас мы хотели бы подчеркнуть, что коллегия Тридцати в том ее виде, как ее задумал Ферамен, то есть в виде «агрегата» из трех «десяток», – должна была отражать именно это троичное деление. Иными словами, единства во взглядах изначально не было и быть не могло в ее рядах, она была обречена на раскол, который не преминул случиться.

А ведь именно от такого же раскола пала олигархия Четырехсот в 411 г. до н.э., как мы показали в третьей статье данного цикла³⁰. Теперь ситуация повторялась. Получается, что, если лидеры демократов не извлекли уроков из ее первого свержения и в 410–404 гг. до н.э. продолжали повторять те же ошибки, ровно то же самое можно сказать и об их противниках.

²⁹ Печатнова 2007, 264 сл.

³⁰ Суриков 2025.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Adeleye, G. 1977/1978: The Arginusai Trial and Theramenes' Rejection at the Dokimasia of 405/404 B.C. *Museum Africanum* 6, 94–99.
- Andrewes, A. 1974: The Arginousai Trial. *Phoenix* 28/1, 112–122.
- Borges, J.L. *Sochineniya d trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Vol. 3. Moscow.
- Борхес, Х.Л. 1994: *Сочинения в трех томах*. Т. 3. М.
- Burckhardt, L. 2000: Eine Demokratie wohl, aber kein Rechtsstaat? Der Arginusenprozeß des Jahres 406 v.Chr. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 128–143.
- Castleden, R. 1998: *Atlantis Destroyed*. London–New York.
- Cloch , P. 1919: L'affaire des Arginuses. *Revue historique* 130, 5–68.
- Danzig, G. 2014: The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon. *Class. Q.* 64/2, 507–524.
- Frank, J., Monoson, S.S. 2009: Lived Excellence in Aristotle's *Constitution of Athens*: Why the Encomium of Theramenes Matters. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought*. Cambridge, 243–270.
- Gill, M.L. 2016: Plato's Unfinished Trilogy: *Timaeus* – *Critias* – *Hermocrates*. In: G. Cornelli (ed.), *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Berlin–Boston, 33–45.
- Gottesman, A. 2020: The *S phrosyn * of Critias: Aristocratic Ethics after the Thirty Tyrants. In: D.C. Wolfsdorf (ed.), *Early Greek Ethics*. Oxford, 243–261.
- Herrmann, F.-G. 2017: Hat Kritias nach Spartas Pfeife getanzt? In: V. Pothou, A. Powell (Hrsg.), *Das antike Sparta*. Stuttgart, 133–155.
- Humble, N. 2002: Was *s phrosyn * Ever a Spartan Virtue? In: A. Powell, S. Hodkinson (eds.), *Sparta: Beyond the Mirage*. London, 85–109.
- Joyce, C.J. 2022: *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy*. Edinburgh.
- Krentz, P. 1982: *The Thirty at Athens*. Ithaca.
- Kydryavtseva, T.V. 2008: *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinaх* [People's Court in Democratic Athens]. St. Petersburg.
- Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
- Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 139–150.
- Lenschau, T. 1937: Οἱ τριάκοντα. In: W. Kroll, K. Mittelhaus (Hrsg.), *Paulys Realencyclop die der classischen Altertumswissenschaft: Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa*. 2 Reihe. Hbd. 12: *Timon bis Tribus*. Stuttgart, 2355–2377.
- Losev, A.F. 1990: Kriticheskie zamechaniya [Critical notes]. In: A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi (eds.), *Platon. Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Plato. Collected Works in 4 Vols]. Vol. 1. Moscow, 749–768.
- Лосев, А.Ф. 1990: Критические замечания. В кн.: А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, А.А. Тахо-Годи (ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* Т. 1. М., 749–768.
- Malkin, I., Blok, J. 2024: *Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece*. Oxford.
- Mehl, A. 1982: Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen des ausgehenden 5. Jh. v.Chr. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 99, 32–80.
- Munro, J.A.R. 1938: The Constitution of Dracontides. *Class. Q.* 32/3–4, 152–166.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.

- North, H.F. 1947: A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought. *Transactions of the American Philological Association* 78, 1–17.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Panchenko, D.V. 1990: *Platon i Atlantida* [Plato and Atlantis]. Leningrad.
- Панченко, Д.В. 1990: *Платон и Атлантида*. Л.
- Pechatnova, L.G. 2007: *Spartanskii tsari* [Spartan Kings]. Moscow.
- Печатнова, Л.Г. 2007: *Спартацкие цари*. М.
- Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2000: Oligarchs in Athens. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 119–136.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Surikov, I.E. 2011: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobitz* [Ancient Greece: Politics in the Context of the Era. The Time of Strife]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2011: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц*. М.
- Surikov, I.E. 2024a: Sokrat i Feramen [Socrates and Theramenes]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series] 2, 61–76.
- Суриков, И.Е. 2024a: Сократ и Ферамен. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 2, 61–76.
- Surikov, I.E. 2024b: Dva Kritiya i Atlantida: iz istorii afinskoj oligarkhicheskoy mysli. Chast' II [Two Critias and Atlantis: from the History of Athenian Oligarchic Thought. Part II]. *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with Time: Intellectual History Review] 86, 68–77.
- Суриков, И.Е. 2024b: Два Крития и Атлантида: из истории афинской олигархической мысли. Часть II. *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории* 86, 68–77.
- Surikov, I.E. 2025: Iz istorii afinskih oligarkhicheskikh perevorotov kontsa V v. do n.e. III. Oligarkhi nachinayut i proigryvayut... samim sebe (sobytiya 411–412 gg. do n.e.) [From the History of Athenian Oligarchic Coups d'État of Late 5th Century BC. III. The Oligarchs Start and Lose... to Themselves (the Events of 411–410 BC)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 94–114.
- Суриков, И.Е. 2025: Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. III. Олигархи начинают и проигрывают... самим себе (события 411–410 гг. до н.э.). *ПИФК* 2, 94–114.
- Ungern-Sternberg, J. von 2000: 'Die Revolution frißt ihre eignen Kinder': Kritias vs. Theramenes. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 144–156.
- Vanderpool, E. 1949: Some Ostraka from the Athenian Agora. *Hesperia Supplements* 8, 394–412.
- Vidal-Naquet, P. 2012: *Atlantida: kratkaya istoriya platonovskogo mifa* [L'Atlantide: petite histoire d'un mythe platonicien]. Moscow.
- Видадь-Наке, П. 2012: *Атлантида: краткая история платоновского мифа*. М.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.

FROM THE HISTORY OF ATHENIAN OLIGARCHIC COUPS D'ÉTAT
OF THE LATE FIFTH CENTURY BC. III. THE PARADOXES
OF THE THIRTY'S REGIME

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

The oligarchic regime of the Thirty is well known for its repressive nature. A paradoxical fact, however, is that it did not immediately acquire such a character: at first, only discredited individuals were persecuted, and only later did executions extend to the innocent. This is undoubtedly linked to the transition of leadership within the ruling collegium from Theramenes to Critias. The article proposes an answer to the question of the reasons for this transition: the latter is connected to the fact that the Thirty consisted of three “tens” (one of which was headed by Theramenes, another by Critias), which rotated in power. Overall, it is stated that the oligarchy of 404 BC, like the oligarchy of 411 BC, fell due to a lack of unity among the oligarchs.

Keywords: Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, coups d'état, Peloponnesian War, Theramenes, Critias, Lysander
